

*В Диссертационный совет Д 170.001.02 при
Университете прокуратуры Российской
Федерации
123022, Москва, ул. 2-я Звенигородская,
д. 15.*

ОТЗЫВ

*официального оппонента на диссертацию Коломеец Елены Владимировны
«Использование прокурором средств реагирования в досудебном производст-
ве», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических на-
ук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс*

Актуальность избранной темы исследования. Среди барометрических показателей эффективности уголовного досудебного производства выделяются не только процессуальный статус и положение органа предварительного расследования, но и, соответственно, правовая природа его взаимоотношений с прокурором, ведомственным процессуальным руководителем, а также *оптимальность* соотношения прокурорского надзора, судебного и ведомственного контроля за производством по уголовному делу.

Как известно, магистральной или стратегической линией современной судебно-правовой реформы явилась постепенная замена прокурорского надзора, в том числе и на стадиях досудебного производства, судебным контролем, так как «соединение в лице прокурора функций расследования преступлений и надзора за ним противоречит требованиям системного подхода, вызывает опасные перекосы в досудебных стадиях уголовного судопроизводства» (с. 60 Концепции судебной реформы в Российской Федерации).

Нельзя не признать, что построение процессуального контроля (надзора) по УПК РСФСР практически искажало правовую природу процессуальных связей между следователем и прокурором (руководителем следственного подразделения). Последний, игнорируя процессуальную самостоятельность следователя (особенно следователя неподчиненного ему ведомства), практически рубил сук, на котором сидел, так как порождал «процессуальное иждивенчество», порой удобное и для следователя (О. П. Темираев).

Комплекс полномочий прокурора в отношении следователя еще в рамках действия ст. 211 УПК РСФСР действительно впечатлял. «Ознакомление с ним не

оставляет сомнений в том, кто в расследовании главный. Хотя расследование ведет следователь, прокурор имеет все возможности в любой момент вмешаться в него и побудить следователя к правильной, с его точки зрения, корректировке хода и результатов расследования в порядке осуществления надзора за исполнением следователем требований закона» (В. С. Шадрин). Более того, анализ средств прокурорского надзора за предварительным следствием (именно за расследованием как деятельностью, а не за законностью ее осуществления!) убедительно свидетельствует, что они приняты из арсенала административных методов управления, но не юстиции. Как очевидно и другое. «Обладание возможностью решающего влияния на ход и результаты расследования, делающие процессуальную самостоятельность следователя довольно призрачной, неизбежно приводит к тому, что следователь оказывается на единой с прокурором позиции обвинения в уголовном деле» (В. С. Шадрин).

Дореформенный прокурор практически выполнял три основные функции: управление прокуратурой (а значит и ответственность за эффективность ее деятельности), уголовное преследование (обвинение) и надзор за законностью предварительного расследования. По причине вполне понятной (ведомственные показатели) все три функции постоянно входили в противостояние друг с другом, и прокурору в целом оставаться объективным было достаточно сложно.

Вместе с тем идея разделения функций расследования и прокурорского надзора за ним в новом уголовно-процессуальном законодательстве также не была реализована. УПК РФ сохранил сильную прокурорскую власть по отношению к досудебному производству по уголовным делам. И только реформа прокурорского надзора и процессуального ведомственного контроля 2007 года «качнула маятник реформ» в противоположную сторону.

По мнению экспертов, с данной «революцией» и созданием самостоятельного следственного ведомства «отечественная система предварительного расследования, прежде базировавшаяся на чем-то, быть может, и устаревших, но казавшихся еще прочными советских институциональных основах, не только не укрепились, но, напротив, вступила в полосу *турбулентности*... «Следователь самостоятельнее отнюдь не стал, да и надзор никто никуда не “отде-

лил”: большинство прежних полномочий прокурора просто-напросто перешли к руководителям следственного органа» в рамках процессуального ведомственного контроля... В результате «прокурорский надзор не “отделился”, а почти вовсе исчез, став едва ли не эфемерным, тогда как прежние “надзорные” полномочия превратились в полномочия “контрольные”, причем опять-таки в рамках одного ведомства (Следственного комитета РФ)». Таким образом, «соединение в одном ведомстве следственных и надзорных функций – это зло, а соединение в одном ведомстве следственных и контрольных функций – благо. Где логика?». Как результат, прокурор «процессуальную власть значительно утратил, а следователь ее так и не приобрел, будучи к тому же абсолютно связан руководителем следственного органа» (Л. В. Головкин).

На данное обстоятельство обратили внимание многие отечественные процессуалисты, выступая за усиление и укрепление надзорной функции прокурора в целях минимизации обвинительного уклона. «Рост числа выявленных нарушений закона свидетельствует о том, что сокращение полномочий прокурора по надзору за следствием привело к ухудшению состояния законности в названной сфере» (О. С. Капинус). «Несмотря на существенное усиление процессуальных полномочий руководителя следственного органа (ст. 39 УПК), пока не удалось существенно повысить качество расследования в российском уголовном судопроизводстве. Попытка перевести эту сложнейшую проблему в плоскость борьбы амбиций с перекалыванием ответственности за результат с одного органа на другой только препятствует ее решению» (Л. А. Воскобитова). «Законодателю не лишним будет вернуться к вопросу о достаточности прерогатив прокурора для осуществления полноценного надзора». Неоспоримо «право прокурора поручать следователю собрать необходимые по делу доказательства», ибо «прокурор в целом отвечает за дело, а не следователь» (Н. А. Колоколов).

С данными позициями можно согласиться уже потому, что созданная в последние годы *организация* предварительного расследования в России все меньше напоминает классическое предварительное следствие, где «офицеры по расследованию» лишь по названию должности «следователи». Продолжает формироваться *полицейское (даже не прокурорское) дознание*, аналогов кото-

рому среди архетипов досудебного производства найти крайне трудно! Можно утверждать, что «с реформой 2007 г. советская модель предварительного расследования окончательно “расползлась”, а новая создана не была» (Л. В. Головки).

Действительно, «эксперимент» 2007 г. нельзя признать удачным. Вместе с тем автор данного отзыва много лет последовательно выступал против сохранения прокурорского надзора за предварительным следствием, *но при одном условии*. Предварительное следствие по тяжким преступлениям осуществляет *судебный следователь*, а полицейским дознанием по большей массе совершенных преступлений должен руководить прокурор.

Как известно, 19 сентября 2018 г. группой депутатов в Государственную Думу Российской Федерации внесен проект федерального закона № 550619-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)». Решит ли он поставленные проблемы? Или это опять законотворчество по системе маятника: из крайности в крайность?

В связи с этим следует согласиться с выводами соискателя, что, «несмотря на научные дискуссии о совершенствовании процессуального статуса прокурора в связи с сокращением его полномочий, проблема повышения эффективности его деятельности в досудебном производстве до настоящего времени не решена» (с. 3 диссертации).

Несомненно и то, что «решение поставленных задач и эффективность деятельности прокурора в названной сфере напрямую зависит от достаточности инструментов в арсенале прокурора для реализации делегированных ему государством функций уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. К числу указанных инструментов относятся средства прокурорского реагирования» (с. 3 диссертации).

При этом соискатель вполне справедливо отмечает, что «учеными и практиками обращено внимание не только на проблему необоснованной дифференциации полномочий прокурора, лишенного значительной части средств реагирования в отношении следователей и руководителей следственных орга-

нов, но и на отсутствие у прокурора достаточных полномочий по инициированию уголовного преследования, формированию и распоряжению обвинением, пресечению нарушений разумных сроков уголовного судопроизводства, недостаточную эффективность требований прокурора об устранении нарушений закона, обязательность которых действующей законодательной регламентацией не обеспечена» (с. 4 диссертации).

В связи с этим вполне очевидно, что выбранная тема исследования вполне *актуальна*, как и бесспорна *научная новизна* представленной диссертации.

Научная новизна исследования определяется авторским выбором основных направлений анализа проблем прокурорского надзора в сфере уголовного досудебного производства, а также результатами комплексного анализа уголовно-процессуальной деятельности прокурора в свете действия новейшего законодательства.

Соискателем представлена авторская позиция по решению ряда актуальных принципиальных теоретических и прикладных вопросов организации прокурорского надзора в уголовном досудебном производстве. Так, представлено понятие категории «средства реагирования, используемые прокурором в уголовном досудебном производстве» и выведены требования, которым должны отвечать рассматриваемые правовые средства; выявлена внутренняя организация множества рассматриваемых правовых средств прокурорского реагирования, на основании чего сконструирована теоретическая модель их системы; проанализированы проблемы малоэффективности средств реагирования прокурора, ограниченности его полномочий, в том числе с учетом изменений уголовно-процессуального закона последних лет, введением новых институтов уголовного судопроизводства.

Кроме того, автором сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, расширяющие и уточняющие спектр полномочий прокурора. Так, предлагается наделить вышестоящего прокурора полномочиями по отмене незаконного постановления о возбуждении уголовного дела в случае пропуска срока его отмены надзирающим прокурором, а прокурора, осуществляющего надзор за законностью решения, – в случае констатации его незаконности судом; возложить на прокурора право

отмены незаконного постановления о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям по истечении года с момента его вынесения; ввести согласование с прокурором решений следователя и дознавателя о передаче сообщений о преступлениях по подследственности и др.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность в полной мере определяются объемом и качеством источников первичной научной информации, репрезентативностью эмпирического материала, эффективным использованием апробированного научно-методического инструментария, достаточно корректной интерпретацией полученных в ходе исследования результатов, внутренней гармонией представленных в диссертации суждений, согласованностью теоретических выводов автора с эмпирическими данными статистического и социального анализа, обоснованием авторских суждений выводами фундаментальных и прикладных наук.

Диссертация по архитектонике и анализу материала имеет внутреннее единство и представляет собой логически стройное авторское научное исследование наиболее актуальных проблем определения инструментария прокурорского надзора, построенное на:

- критическом анализе значительного массива научных источников по теме диссертации;

- догматическом и сравнительно-правовом толковании общепризнанных принципов и норм международного права, Конституции Российской Федерации, отечественного и зарубежного законодательства, решений Высших судов Российской Федерации, приказов и указаний Генерального прокурора Российской Федерации;

- документальном изучении 500 уголовных дел, находившихся в производстве органов расследования Омской области, а также более 300 материалов проверок, по которым прокурорами в 2016 г. – 1-м полугодии 2018 г. применялись уголовно-процессуальные средства реагирования;

- социологическом опросе 233 прокуроров, осуществляющих надзор за процессуальной деятельностью в разных регионах России;

– научной информации, содержащейся в диссертациях и монографических исследованиях, научных публикациях, организационно-распорядительных и информационно-методических документах прокуратуры России, результатах анализа судебной практики и статистических отчетов о работе прокурора;

– личном профессиональном опыте автора, в течение 16 лет выполнявшего функции по надзору за процессуальной деятельностью органов расследования и поддержанию государственного обвинения, аналитико-методической работе по повышению качества актов реагирования в сфере уголовного судопроизводства, обеспечению достоверности статистических данных о работе прокурора.

В основе диссертации многократно апробированный, универсальный и подтвердивший свою эффективность диалектический метод познания, а также общенаучные и частнонаучные методы, включая исторический, формально-логический, сравнительно-правовой, системно-структурный, статистический, конкретно-социологический методы (анкетирование и анализ документов, обобщение прокурорской практики и включенное наблюдение).

Оценка методологической основы и методики исследования свидетельствует об умении соискателя ставить и разрешать теоретические и практические задачи, связанные с поиском путей совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. Как представляется, использованные при подготовке диссертации методы исследования *не вызывают сомнений в достоверности достигнутых результатов.*

Следует отметить *достаточно высокую степень апробации результатов исследования.* Основные результаты работы изложены в тринадцати научных статьях, двенадцать из которых опубликованы, в том числе семь – в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для опубликования результатов диссертационного исследования, одна – принята к опубликованию научным изданием. Общий объем опубликованных и принятых к опубликованию работ составляет 4,75 п. л. Основные положения диссертационного исследования, сделанные автором выводы и рекомендации о совершенствовании законодательства и правоприменительной практики, сформулированные на их

основе, докладывались на пяти научно-практических конференциях, в том числе одной международной и четырех всероссийских. Результаты исследования нашли применение в учебном процессе при преподавании дисциплин «Уголовный процесс», «Процессуальное оформление уголовного производства» в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации. Отдельные выводы и предложения диссертанта внедрены в правоприменительную практику прокуратуры Омской области.

Как представляется, автором абсолютно правильно определены *объект и предмет исследования*. Представленный *автореферат соответствует структуре и содержанию диссертации*. В результате соискателю удалось *достигнуть поставленных целей*, что, в первую очередь, позволяет говорить о подготовке обстоятельного и добротного монографического исследования.

Значение диссертации для уголовно-процессуальной науки и правоприменительной практики. Разработанные диссертантом положения не только обогащают теорию уголовного процесса и в своей совокупности вносят определенный вклад в решение научной задачи, имеющей существенное значение для уголовного судопроизводства. Представленное исследование направлено на совершенствование практических форм деятельности органов прокуратуры, а результаты исследования нацелены на практическое их использование в правоприменительной деятельности, в учебном и научно-исследовательском процессе.

Выводы диссертационного исследования, безусловно, позволят по-иному взглянуть на роль и процессуальные возможности прокурора в уголовном до-судебном производстве, послужат развитию теории о средствах прокурорского реагирования как основного инструментария уголовно-процессуальной деятельности прокурора.

В свою очередь, практическая значимость работы связана с возможностью использования сформулированных в ней выводов для совершенствования законодательства Российской Федерации, а также для решения проблемных вопросов практической деятельности органов прокуратуры при подготовке информационно-методических документов. Положения диссертационного ис-

следования могут использоваться в учебном процессе юридических вузов и для повышения квалификации прокурорских работников.

Безусловно, *повышает практическую значимость* исследования предложенный проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 “О прокуратуре Российской Федерации”» (с. 245 диссертации).

Рецензируемая работа, на наш взгляд, представляет собой *завершенное монографическое исследование важной в теоретическом и практическом планах научной проблемы*. По глубине поднимаемых вопросов, их актуальности и теоретической значимости, уровню подачи материала и корректности ведения научной дискуссии диссертация Е. В. Коломеец претендует на *серьезную научно-квалификационную работу, восполняющую своеобразный пробел в современной отечественной процессуалистике*.

Вместе с тем, как и любой иной научно-исследовательский труд, посвященный актуальным проблемам законотворчества и правоприменения, более того, касающийся новейшего законодательства, диссертация Е. В. Коломеец не явилась исключением, свободным от дискуссионных вопросов, требующих дополнительного уточнения и разъяснения.

1. Следует не только согласиться, но и поддержать выводы соискателя, констатирующего, что «полномочия прокурора по установлению и продлению процессуальных сроков призваны обеспечить соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства. При разрешении вопросов об их продлении оцениваются полнота и своевременность процессуальных действий, выясняются конкретные обстоятельства, вызвавшие необходимость такого решения» (с. 128 диссертации).

Действительно, опыт по передаче полномочий продления сроков предварительного следствия от прокурора ведомственному процессуальному руководителю себя не оправдал. В связи с этим автор вполне справедливо отмечает, что «в нынешних условиях у прокурора отсутствуют действенные средства реагирования на нарушения разумного срока уголовного судопроизводства. При этом ведомственные интересы не позволят эффективно решить эту про-

блему без вмешательства прокурора, который должен быть наделен полномочиями не только продлевать срок следствия, но и устанавливать его после возобновления» (с. 130 диссертации).

Вполне очевидно, что механизм продления срока предварительного следствия (впрочем, как и дознания) создает возможность *эффективного надзора за объективностью и качеством* расследования. Вместе с тем соискатель *не нашел необходимым отметить данные абсолютно значимые размышления и наблюдения в качестве положений, выносимых на защиту, и основных выводов по диссертации*. Не обратили на это внимание и авторы указанного выше законопроекта от 19 сентября 2018 г.

2. Не вызывают также сомнений выводы автора диссертации о том, что «наиболее значительная группа средств реагирования по обеспечению надлежащего субъекта расследования связана с определением его формы и подследственности по уголовным делам и материалам проверок» (с. 133 диссертации).

Действительно, в соответствии с п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе изымать уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи. При этом прокурор обязан принять соответствующее решение при необходимости соблюдения и восстановления законного порядка расследования, в том числе когда в нарушение ст. 150 УПК РФ в форме дознания расследуется уголовное дело, по которому обязательно производство следствия, или изменение формы расследования связано с переквалификацией деяния; при истечении предельного срока дознания; установлении оснований для соединения уголовного дела дознавателя с делом, расследуемым в форме следствия. Необходимость в принятии такого решения может возникнуть также в связи со сложностью и важностью уголовного дела, когда передача его следователю направлена на повышение эффективности и соблюдение разумных сроков расследования (с. 134 диссертации).

В связи с этим автор рассуждает о проблемах определения «подведомственности» доследственного производства (с. 135 диссертации). Так, соискатель отмечает, что в ряде регионов присутствует негативная практика «отказов в возбуждении уголовных дел с нарушением правил подследственности, к примеру, когда дознанием МВД России соответствующие постановления выносят-

ся по материалам о преступлениях, подследственных органам следствия. Между тем передача сообщения по подследственности должна производиться незамедлительно при установлении соответствующих оснований. Прокуроры не должны допускать принятия решений о возбуждении уголовного дела либо отказе в его возбуждении по преступлению не своей подследственности» (с. 138 диссертации).

Представляется, *данное заключение соискателя как минимум требует уточнения и дополнительной аргументации*. Именно подобный подход породил абсурдную, на наш взгляд, ситуацию. Так, следователи Следственного комитета Российской Федерации, сохраняя свою юрисдикцию, проверяют в год до 1 млн сообщений о происшествиях, а возбуждают при этом не более 17–18 % уголовных дел. Высококвалифицированные специалисты фактически выполняют функции органов дознания, которые при этом продолжают профессионально деградировать. Seriously деформируется и сам следственный аппарат, в связи с чем даже руководители Следственного комитета страны отметили его фактическое перерождение в «доследственный» орган.

Органы дознания (в большей степени полиция) *не только правомочны, но и обязаны оперативно реагировать на любую информацию* о происшествии с признаками преступления, осуществлять неотложную процессуальную деятельность. Соответственно, они обязаны принимать по рассматриваемым материалам правомочные итоговые и промежуточные решения, в том числе об отказе в возбуждении уголовного дела. В свою очередь, обязанность экспертирования законности и обоснованности этих решений в первую очередь лежит на прокуроре.

3. Соискатель не смог избежать некоторой декларативности отдельных выводов и предложений диссертации. Так, автором предлагается «дополнить УПК РФ нормой, *конкретизирующей* основания отмены прокурором и руководителем следственного органа незаконного постановления о возбуждении уголовного дела. В их числе предусмотреть возбуждение уголовного дела без законных поводов и оснований, нарушение порядка принятия указанного решения в отношении определенных ч. 1 ст. 447 УПК РФ отдельных категорий лиц, возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица при наличии неотмененного постановления об отказе в возбуждении либо прекращении уго-

ловного дела в отношении него по тому же факту преступной деятельности, а также иные неустранимые нарушения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, влекущие возможность незаконного уголовного преследования либо признания доказательств недопустимыми. Соответствующими положениями необходимо дополнить статью 146 УПК РФ» (с. 13–14, 78–90, 193–194 диссертации).

Как представляется, во-первых, данное суждение требует введения подобных оснований и для отмены иных незаконных или необоснованных решений следователя; во-вторых, предложение фактически дублирует требования, содержащиеся в иных нормах УПК РФ, например, в ст.ст. 24, 140, 146, 448 и др.; в-третьих, автор фактически предлагает «открытый» перечень оснований отмены прокурором и руководителем следственного органа незаконного постановления о возбуждении уголовного дела, рассматривая среди них «иные неустранимые нарушения» УПК РФ, влекущие возможность незаконного уголовного преследования либо признания доказательств недопустимыми, что предполагает при этом широкое усмотрение правоприменителя и не позволяет считать данное нововведение *конкретным*, что хотел бы видеть соискатель.

Подобный характер, на наш взгляд, имеет и предложение о дополнении ст. 146 УПК РФ обязанностью «руководителя следственного органа незамедлительно изучать материалы, послужившие основанием для возбуждения уголовного дела, и обеспечивать отмену незаконных и необоснованных решений следователя до направления их прокурору» (с. 14 диссертации).

По крайней мере, указанные предложения требуют дополнительной аргументации.

4. И наконец, *last, but not least* – последнее, но не менее важное! Соискатель *практически уклонился от научной дискуссии* с представителями ведомственной науки Следственного комитета Российской Федерации, которые выступают наиболее принципиальными противниками прокурорского надзора по отношению к предварительному следствию.

Вместе с тем в последние годы стало все более очевидным, что самое слабое место в современной организации предварительного следствия – это вопросы взаимоотношения следователя, его ведомственного процессуального

руководителя и прокурора. В это же время руководство Следственного комитета РФ вынуждено предложить принципиально рассмотреть дилемму сохранения или ликвидации функции процессуального ведомственного контроля в деятельности ведомства, что вполне откровенно свидетельствует о системном кризисе «социально-правовой идентичности» не следователя и прокурора (о наличии которого постоянно рассуждают представители Следственного комитета РФ), а руководителя следственного органа и его подчиненного. Вопрос, может ли быть в полной мере объективным и эффективным внутренний, «домашний», местнический *самоконтроль*, как представляется, в настоящее время поставлен «ребром»!

Как видно из содержания высказанных пожеланий, они касаются в основном дискуссионных вопросов, ответы на которые лишь усилят научную достоверность выводов исследования и, безусловно, не могут влиять на общий вывод:

1. Диссертационное исследование Елены Владимировны Коломеец «Использование прокурором средств реагирования в досудебном производстве», представленное на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс, подготовлено автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвинутые автором для публичной защиты, что объективно свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в уголовно-процессуальную науку. Работа не содержит некорректных заимствований материалов и отдельных результатов, цитирование допускалось только с указанием источника используемой информации (пп. 10 и 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. постановления от 29 мая 2017 г. № 650).

2. Научные труды Елены Владимировны Коломеец (12 опубликованных научных статей) в полной мере отражают основные результаты диссертационного исследования. Семь научных статей соискателя размещены в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки для опубликования основных положений кандидатских диссертаций (п. 11 Положения о присуж-

дении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. постановления от 29 мая 2017 г. № 650).

3. Диссертационное исследование Елены Владимировны Коломеец «Использование прокурором средств реагирования в досудебном производстве», представленное на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс, представляет собой добротную научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для развития уголовно-процессуальной науки, и соответствует критериям, установленным ч. 2 п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. постановления от 29 мая 2017 г. № 650).

4. Автор диссертационного исследования Елена Владимировна Коломеец заслуживает присуждения искомой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс.

Официальный оппонент

Профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Омской юридической
академии, доктор юридических наук,

профессор, заслуженный юрист Российской
Федерации

22 апреля 2019 г.

г. Омск

тел. + 7 913 964 05 20

E-mail: derishev.omsk@mail.ru

Частное образовательное учреждение высшего образования

«Омская юридическая академия»

644010, Омск, ул. Короленко, 12

Тел. (3812) 32-13-30; факс 37-22-45; E-mail: academy@omua.ru

Юрий Владимирович Деришев

ПОДПИСЬ *Деришева Ю.В.* ЗАВЕРЯЮ.
РУКОВОДИТЕЛЬ СЛУЖБЫ ПЕРСОНАЛА
ЧОУ ВО «Омская юридическая академия»

Ю.В. Петрова

« _____ »

